

18+

Андрей Сутоцкий

стихотворения

и всё же...

Андрей Сутоцкий

И всё же... стихотворения

«Издательские решения»

Сутоцкий А. М.

И всё же... стихотворения / А. М. Сутоцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696016-9

Если жизнь случается мимоходом, в погоне за иллюзорными ценностями, то она, как правило, не вызывает сильных чувств в душе человека. Только особое внимание способно сделать жизнь каждого из нас осмысленной и яркой. А это уже первый шаг к творчеству.

ISBN 978-5-00-696016-9

© Сутоцкий А. М.
© Издательские решения

Содержание

СГУСТИЛИСЬ СУМЕРКИ...	6
РАЗМЫТЫЙ СЛЕД	7
КУМАЧИ ЗАРНИЦ	8
ЗЕЛЁНЫЙ АНТИФРИЗ	9
МЕТАМОРФОЗА	10
ТЕНИ ЗЕМЛИ	11
ПОМЕХИ	12
ХИБИНЫ	14
ПО ЗАДАНИЮ ЦЕНТРА	15
НА ЛЕПЕСТКЕ ЦВЕТКА...	17
РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПИСЬМОМ К МАМЕ	18
В СОЕДИНЕНИИ	19
НЕ ПРОПУСКАЯ	20
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ДОРОГУ	21
СНЕЖИНКА И ПЯТЬ ЗВЁЗД	22
ПОЭТ ПАВЛИН	24
«ДАНЬ УВАЖЕНИЯ»	25
КОТ НА ПОДОКОННИКЕ	26
«УСЛЫШИТЕ МЯ ЧЕЛОВЕЦЫ...»	27
В ПРЕДДВЕРИИ ГИБЕЛИ МИРА	29
О ЦВЕТЕ	31
ВОРОНЫ, ГОЛУБИ, СОРОКИ	33
САРГАССОВО МОРЕ	34
КОШКА ПРОСИТ ВСПОМНИТЬ	35
ВРЕМЯ И ПРАЗДНИК	36
НАСТОЛЬНЫЙ МИР	38
ПОСВЯЩЕНИЕ БЕРЕКУ	39
ТЫ ТРУС, ГЕРОЙ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

И всё же... стихотворения

Андрей Михайлович Сутоцкий

Дизайнер обложки Андрей Михайлович Сутоцкий

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2026

© Андрей Михайлович Сутоцкий, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6016-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СГУСТИЛИСЬ СУМЕРКИ...

Сгустились сумерки.
И в чувствах обострённых
Я грею пятки звёздной тропой.
А может, умер я?
Как знать. Определённо
Спираль Галактики сверкает подо мной...
А может быть,
Как раз всё так и надо?..
И дать ответ мне Небо не молить?..
Освободить
Сознание от распада
И напрямую радость ощутить?..

Пусть карой боль
Бесчинствует над миром
И серебро с груди мне не сорвать,
Но Ты позволь
Мне быть ещё настырней,
Чтобы Тебя, хоть в малом, отстоять.
И босым – в снег,
И в одури сомнений
Идти на Свет, но встретиться – не смей.
Я – человек...
Я – осмеянный гений...
Звонок, удар, хлопок
И... смерть.

РАЗМЫТЫЙ СЛЕД

Это утро, должно быть, забудется вряд ли,
Когда некая сила толкнула планету
По случайности ль, нет, без вины виновато,
В пару тысяч «кэмэ», наследив напоследок.
Почему, отчего, за какие заслуги
Пятьдесят мегатонн раскололи полнеба,
Поменяв полюса и природу в округе?..
Не иначе уфологам всё на потребу?..
В муляже облаков, переливно сверкая,
Что́ пытается скрыть по себе преступленье:
То открыто в глаза, то едва намекая,
Но в невидимом образе мегаявления?
У Подкаменной, в ночь, обложившись кострами,
Мы тревожно молчим, будто всё ещё ново,
Будто вскрыта земля и отчётливы грани...
А догадки, по правде сказать – бестолковы.
И молчит Енисей, не решаясь ответить
Что́ тогда отразилось в зеркальности водной.
Или знать нам ещё рановато про это,
Заблудившимся в домыслах у перехода...
Мне б с эвенками теми окрест Ванавары
Побродить, порасспрашивать, как это было,
Чтоб от огненной тайны слепящего шара
Непонятым ледком облепило затылок.
Или стать очевидцем, иль, что ещё лучше —
Знать причину, владеть и предсказывать время...
Ну, а может быть, всё регулирует случай?
А внезапность, она, как известно, мгновенна.
Где? когда? почему? – ни черта мы не знаем.
И... плешивым собраньем гипотезы множим...
А планета летит... бесконечно другая...
Может, нас здесь и не было?.. Что же, возможно...

КУМАЧИ ЗАРНИЦ

Всё меньше русских лиц.
Больны глаза и души.
Должно быть оттого,
Что день уж недалёк.
И кумачи зарниц,
Как память о минувшем,
Забытым торжеством
Не радуют Восток.
Россия пала ниц,
Закрывшись от лазури
(святая простота),
Покорна и слепа.
Всё меньше русских лиц.
И льётся брагой сурья,
Быть в радость перестав,
По выцветшим губам.
И гогот, а не смех,
И жадность, а не щедрость,
И разум не в цене,
Когда расчётлив ум.
И что там ждёт нас всех...
Беспамятство и тщетность...
...и смотрит сквозь прицел
Гривастый тамагун.
Да, мы повинны в том,
Не возжелав иного,
Что, затянув себя
В бесовский балаган,
Без мысли о святом,
Без права и без слова,
Сживаясь второпях,
Потворствуем врагам.
Всё меньше русских лиц.
И как бы не хотелось
Восстать из пустоты
Безудержных словес,
Чтоб стать свободней птиц,
Сменив слова на дело —
Нам на пути кресты
Да скорбный взгляд небес.

ЗЕЛЁНЫЙ АНТИФРИЗ

Я мог бы приехать к другу
И быть для него сюрпризом,
Но нет у меня (напруга)
Зелёного антифриза.
Я мог бы его в два счёта
Купить за углом у Фадея,
Да год уж сижу без работы, —
А значит, увы, без денег...
Что толку иметь иномарку,
Как мой перламутровый «Nissan»,
Коль нет офферторий, жалко,
Купить и залить антифриза.
Я ждать не хочу, не верю,
Что утро дня мудренее
И глупо глядя на время,
В беспомощности бледнею...
«Двенадцать ноль-ноль» – проблема:
Решить мне её не по силам,
Ведь в это ночное время
В займы не с руки просить мне.
В шелковых своих прикидах,
Презрен, отстранён и не признан,
Гоняю чефир, как быдла,
В страданиях по антифризу.
А друг, позвонив на домашний,
Бубнит обвинительный опус,
Что, дескать, довольно алкашить,
Иди и садись на автобус;
Что, дескать, вчерашний начальник
Во мне уже должен загнуться...
Но я, помолчав, отвечаю:
– А русские – не сдаются.

МЕТАМОРФОЗА

Мой кот спокоен, как удав,
Вчера с утра, кастратом став.
Никак понять не может он,
Что происшедшее – не сон.
«Ого, гигант! И сколько ж лет?», —
Спросил ветврач-апологет
И ввёл коту полсуток сна,
Представив, видимо, слона.
Ветеринару на вопрос
Я лгал, почёсывая нос:
«Нежнейший возраст у него,
Четыре месяца всего...».
И вот он дома в пеленах:
Дрожит язык, туман в глазах...
Но кот ползёт через наркоз
Нелепых снов, нелепых поз...
И жжёт меня до глубины
Сознание собственной вины,
Что по наивности своей
Убавил пыл его когтей.
Насилью противостоя,
Стоит он, бедный, у стола,
Котом, прожив всего лишь год
И... просто за душу берёт.
Теперь мой кот неприхотлив:
Природу пола изменив,
Я подарил ему покой.
И стал он ласковый такой...
Не скачет мне по голове,
Не шарит взглядом во дворе,
Лишь спит игрушкой меховой...
Да-а-а... слава Богу, что живой.
И всё бы было хорошо,
Ведь кот в сознание пришёл...
Но дело сделано. Кастрат.
Своеобразный результат.

ТЕНИ ЗЕМЛИ

А времени – крайне мало.
Успеть бы сказать о главном,
Ведь жизнь переходит плавно
Под мокрое покрывало
Земли.
Теряемся в приобретеньях,
Стираемся постепенно,
Не воспитав терпенья...
Да кто же мы, если не тени
Земли?
Помилуйте, мы ещё дышим?
Под стать тараканам, у биржи
Нахраписто и бесстыже
Орём, что есть силы, чуть выше
Земли...
Расталкивая локтями
Друг друга, на землю тянем
Друг друга и, как «Титаник»,
Уносим с собою тайну
Земли.
И будут гадать потомки,
Раскрыв нараспашку окна
О нас бесконечно далёких
И, может быть, допотопных,
Обманутых притяженьем
Земли.

ПОМЕХИ

Они проникают в нас
Подспудно, из-под сознания,
Всё в виде нелепых форм,
А также фальшивых нот,
Как будто бы кто-то хочет
Нас вывернуть наизнанку, —
Да так, чтобы мы забыли
Обратной дороги ход.
...нашёптывают, внушают,
Конечно же, на погибель;
Натравливают, призывают
Идти и вершить обман...
В «неправильные» мозги нам
Вставляют свои плагины,
Чтоб разум не мог заметить,
Что горе нам от ума.

Аллеей усталых лип
Иду, запинаясь в прошлом,
А мимо меня – дома
Расчётами перфокарт...
И знал ли что о Любви
Восточный эксцентрик Ошо?
И мог ли преодолеть
Опасности Жан Поль Сартр?
В экзистенциальном сне —
Глубокие переживания.
Но сон остаётся сном.
И камнем под ноги – явь.
Свобода на полчаса
В горячей чугунной ванне,
Иль где-нибудь, у печи,
До розового угля.

Они проникают в нас
Неровным дыханьем ветра
И страхами пред чертой,
Что вновь впереди на шаг.
Заботливою рукой
Подброшены нам приметы...
Да только не видит их
Обманутая душа.
Бушует девятый вал.
Туман и... не дразнит берег.
Но как не взлетай волна —

Она Океана часть.
И ангелы в Небесах
Свои обновляют перья,
Чтоб как-нибудь невзначай
На землю опять не пасть.
Но сети прочны, как сталь,
И маски последних игр
Не верят в иной исход
Оставленных серых масс.
И как не тяни аккорд —
С репризой прервётся лига,
И музыка – отзвучит, —
И, может, уже сейчас.
Так что же мы не вольны
Ответствовать им отказом
И стать на виток сильней,
Талантливей и мудрей,
Очистится и вздохнуть,
Пусть медленно и не сразу,
И вновь обрести покой
Прозревших к Любви людей?

ХИБИНЫ

Былых мастодонтов горбатые спины
Застыли в граните полярных широт.
О чём вы молчите, седые Хибины,
Холодные камни холодных высот?
Вас прячет закат в уходящем сиянье,
Из тьмы поднимает вас белый рассвет,
Чтоб стали вы, горы, чуть-чуть небесами,
Впитав в себя тайны далёких планет.
Оглохшие камни кричащих ущелий,
Пугающий грохот стремительных глыб...
В обители вашей я принял крещение,
Чтоб вы мне в походе хоть раз помогли
Решиться пройти островерхой грядой,
В пронзительном свисте ветров устоять...

Так пусть же окажутся ваши ладони
Приветливым другом. А впрочем, как знать...
Но в знак ли согласия сходят лавины
И кро́шится в пыль обжигающий лёд.
Нет, я не забыл, что такое Хибины, —
Холодные камни холодных высот.

ПО ЗАДАНИЮ ЦЕНТРА

светлой памяти актёра В. Тихонова

В продутых ветром городских развалах,
Где грезят души горьким сухарём,
И день и ночь нацистские вассалы,
Под стать жрецам над жертвенным огнём,
Кричат – «Sieg Heil!...», стервятниками рея.
Им дан приказ: в три дня отфильтровать
Всех тех, кто ищет силы против Рейха,
Стараясь смерти противостоять.

И он опять, опять, как на пружине.
Простой провал – полжизни не в зачёт.
Не первый год разведчиком в Берлине:
Про всё и вся, на сто, наперечёт...
Он окружён лукавыми друзьями...
Он загнан в угол, чувствуя прицел...
Но, как ни странно, выдержан экзамен,
И в три столбца получит шифр Центр.
Не стоит, Генрих: поздно улыбаться...
Не надо, Вальтер: можно захмелеть...

...а сны всё чаще о России снятся...
И рощам вешним их не пожелтеть.
Но не до сна: продажная Европа
Вывозит в Штаты «Фау» под зарок...

...и он опять примерным остолопом
Пред Шелленбергом тянет кофеёк...
Он здесь, как в жерле адского вулкана,
Вводя в игру послушный пятый туз,
Семнадцать дней выстраивает планы,...
Чтоб мирно спал советский карапуз.
Но мир – зловещ. И хитрые особы,
Победоносным силам вопреки,
Вождю рабов надраивают обувь,
Напоминая кто его враги.
Спустить с курка и...
Всё. Осточертело.
И к пистолету тянется рука...
Но шеф гестапо, вчитываясь в «дело»,
Не усомнился в честности пока.
Пока есть время к сборам и отходам
«Vergeltungswaffe», «Neu-Schwabenland»...
По коридорам запертой свободы

То тут, то там могильщики стоят.

«Но выход есть, – он шепчет, – несомненно...»

Пусть на полшага, но – опередит...

А на виске синее змейкой вена...

Он ждёт сигнал.

Он курит.

...и молчит.

НА ЛЕПЕСТКЕ ЦВЕТКА...

...и нет числа досужим разговорам
Про непростую женскую судьбу!..
А жизнь летит, спешит, как поезд скорый,
Куда-то вдаль, всё больше наобум,
В крошечной тьме, сверкающей нитью...
...и слышен голос...
Кто же там кричит,
Что устремленья спутаны, изжиты
И не найти заветный алгоритм?..
Но дух – не верит: нет её, боязни...
И не подводит женское чутьё,
Когда в мужских предчувствиях бессвязных
Одна лишь брань, бурчанье да нытьё.

Ну вот скажи мне: разве ты на свете
Такой, как есть, рождён не для Любви?..
Ужели ты не слышишь?.. Даже ветер
Тебе с любовью шепчет: «Мы свои...»

А женщина... Она ль не понимает,
Когда на свет торопится дитя,
Что в этот миг она ребёнку дарит
Великий шанс, любя, как никогда?..

...и ты опять вздохнёшь о смысле жизни...

О, сколько их, горячих женских слёз,
Как будто из невидимых кувшинов,
По всей земле любовью пролилось!..
И я, всё чаще думая об этом,
Презрев всё зло, какое только есть,
Молюсь за них, чтоб их частички света
Не отсыяли бесполезно здесь.

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПИСЬМОМ К МАМЕ

Как трудно жить бесхитростно и просто,
Сиять, подобно Солнцу, согревать
Едва на свет пробившийся отросток,
Что сам когда-то Солнцем должен стать!
Цветёт, ветвится детство, подрастая,
Спеша самостоятельно дышать,
Пока его хранит Любовь Святая,
Глубокий Корень под названьем – Мать.
Прими душой, прочувствуй каждой клеткой,
Кому обязан жизнью ты по гроб!..

Не надо, друг: звонишь ты очень редко,
Что пробирает совести озноб.
Не памятью, а сердцем и душою
Держать нам с матерями надо связь!..
Отделавшись подарочком дешёвым
Опять на дно, в безмолвии таясь?..
А жизнь уходит частым, острым пульсом,
Как те цветы, что долго не стоят...
Зачем так легкомысленно?.. Упустишь...
И никогда не скажешь – «...это я...»

И вот в ночи пишу, разлукой болен,
Я этот стих тебе издалека,
Спеша до срока встретиться с тобою
В простых строках блокнотного листка.

В СОЕДИНЕНИИ

Стоцветным хрусталём искрился свет,
А купол неба был голуб и весел.
Я чувствовал – назад дороги нет:
Мне мир людских проблем не интересен.
Кружили в травах танцы мотыльки,
И сам я, как они, готов был к танцам,
Выстраивая странные шаги
В пространстве сохраняемых дистанций.
Затем я лёг на лёгкую траву
В тени заплесневелого забора
И, в голубом увидев синеву,
Не мог отвести мечтательного взора.
Я всё смотрел куда-то, в никуда,
Следя порой за шустрыми дроздами,
Осознавая, как она пуста —
Моя система мозга непростая,
Ведь было в этот миг – не до ума,
Что постоянно болен беспокойством.
В меня природа видимо сама
Пустила свой невидимый отросток.
Нет, было мне несложно ощущать
Всецелостность миров, определённо,
И этот звук под бархатом плюща,
И камыша покорные поклоны...
И не дышать... А если и дышать,
То только с чувством благорасстворенья,
Как встарь, на грудь ладони положи,
Перерождаясь в новое растение.

НЕ ПРОПУСКАЯ

Страх отойти, пропустив другого,
Души людей заковал в оковы.
Нам бы покаяться, нам бы признать...
Но не намерены мы пропускать:
На автостраде, летя в иномарке,
В битве за кресло, чтоб годы насмарку
Были не выкинуты, в очередях...
Женщин беременных на сносях
Мы пропускать так и не научились.
Мудрость пророков, что в бозе почили,
Также оставили мы за спиной,
В спорте, в семейных скандалах... Войной
Кормимся мы, ненавидя друг друга,
Чтобы однажды не выйти из круга
В беге за собственной тенью.
Устал?
Полно, когда впереди пьедестал
Новых побед! И... локтями, локтями,
Маской льстеца, козырными мастями...
Лезем, и лезем, и лезем наверх...
Даром, что там нас давно уже всех
Ждёт-не дожётся сырая могила,
Чтоб с того света увидеть могли мы
Свой высоко занимаемый пост,
Где лишь в длину измеряется рост.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ДОРОГУ

«Кому как повезёт», —
Такой теперь ответ
У тех, кто отслужил
В вооружённых силах.
И что «Устав», что «КЗОТ» ... —
В стране порядка нет:
Неуставной режим
Неуставных дебилов.
Но всё же, есть одно
Подспорье в трудный час:
Не прогибаться в срам
Пред дембелем в лакействе,
Умея в основном
Два цвета различать:
Один нам Небом дан,
Другой... — ведёт к безвестью.
И чтобы устоять
Пред натиском чертей —
Будь мужествен, правдив,
И целостен. А коли
Решишь себя отдать
Под свист тугих плетей,
Тогда в твоей груди —
Портянка вместо воли.
Не смейся. Будь умней.
Смывает смех – война.
Где будут эти все
Шевроновые куклы,
Как не в плену измен?
Вот так-то, старина!
Да, выбирать друзей —
Нелёгкая наука.
Ну, с Богом! В добрый час!
А если что узришь —
Подумай тыщцу раз
Пред тем, как возмутиться.

Порою промолчать
И серым быть, как мышь,
Всё лучше дерзких фраз,
Чтоб целым возвратиться.

СНЕЖИНКА И ПЯТЬ ЗВЁЗД

«... ещё в ноябре ударили лютые морозы. Лекции приходилось проводить в холодных, не отапливаемых помещениях. Было так холодно, что в чернильницах замерзали чернила. И тогда количество прочитанных часов мы отмечали на доске мелом».

(Из воспоминаний очевидцев)

Был город бел, как мел.
Звенел мороз за сорок.
Он шёл по Заводской
В редакцию «Невы»
И в спешке налетел,
К немалому позору,
На человека:
– Ой!!!
Простите, это вы?!

В буклетовом пальто,
Мутоновой ушанке,
Стоял пред ним поэт, —
Под мышкой – узелок.
А в узелке – батон,
Да колбасы полпалки...
– Да, это я, сосед...
– Прошу, товарищ Блок,
Простить меня... Спешу... —
Сказал он и некстати
Поймал себя на том,
Что лопают батон
Из рук поэта... «Шут!..
Как стыдно!...»

В результате
Поэт сказал:
– Викто́р,
Вы голодны́, пардон?..
Извольте колбасы.
Ну, что ж вы? – не смущайтесь...
Такие времена...
Позвольте-ка спросить:
Что пишете?..
– «Тузы
И джокеры»...
– К несчастью,
Досталось вам сполна..
Зато каков посыл!..

Хотите ли пойти
На лекцию со мною?
Я вам могу прочесть
Про смесь литератур...
Здесь пять минут пути,
Всё правой стороною...
– Ну, что ж, приму за честь...
Пожалуй, что пойду...
.....

...а в зале – ни души.
На окнах зала – наледь.
Хрусталь зелёных люстр
Казался ледяным.
В пронзительной тиши
Слова поэта стали
Под стать костру и вкус
Их был таким живым...
Красивых ровных слов
Насыщенные фразы...
Хуан де Монтемайр,
Альваро Кубельо,
Сервантес де Любовь,
Уртадо де Всёразом
И... «Горе от ума»,
Поскольку ум есть – зло.
В чернильном пузырьке
Ледышкой стала жидкость...
Да и поэт охрип,
Читая третий час.
Взял мел и на доске
Нарисовал снежинку...
– А почему не три?..
– Пришлось ли вам скучать?..
– Я лекции такой,
Признаться – не припомню...
– А как вам Поль Гоген?..

И тут ворвался в зал
Проректор Луговско'й..., —
Точней... – мерзавец полный
И, подбежав к доске,
Пять звёзд нарисовал.

ПОЭТ ПАВЛИН

(басня)

Поэт-павлин, конструктор новых форм,
В венце тщеславия гулял в садах Эвтерпы.
Он вдохновлён был сладким зельем терпким
И на слова изысканные скор.
Туманя слог, дразня лиловых птиц,
Он хитро плёл стихи ассоциаций,
В которых он и сам плутал, признаться...
Так почему пернатый хор певиц
Самозабвенно следовал за ним
И подпевал словам оригинала,
Хоть каждая из них отлично знала,
Что он словами попусту звенит
И что бездарен, собственно, с начал,
И подпевать ему – такая скука...
В чём прелесть, люди, глупости «аукать»,
Роскошный веер перьев волоча?
Ну, не дал Бог таланта и ума,
Как не дал и заливистого пенья,
Одев лишь только в красочные перья,
Чтоб скрыть всю мерзость птичьего дерьма.
Быть рядом с ним и следовать ему,
Для этих птиц – припудренная похоть...
И не страшит их, что легко оглохнуть,
Когда взхлѐб поёт такой певун.

А ежели «прославится» – дурак?!..
Богема, слава, пышный мякиш хлеба...
А то, что не обнять крылами Небо,
Так это, право – форменный пустяк.

«ДАНЬ УВАЖЕНИЯ»

(памфлет)

Был зал набит кишашими чертями.
Под потолком мерцал пурпурный свет.
На ритуал, устроенный властями,
Проник из ада весь дьяволитет.
Весьма не сдержан был сей сброд легавый.
От грязных шкур гулял по залу смрад.
И, чёрных глаз с кишаших не спуская,
Огромный чёрт копытом бил в набат.
А там, на сцене, как на эшафоте,
Стояли люди – рыцари труда —
И принимали медные офорты
Из рук чертей в награду за года
Работы в цехе (филиале ада)...
И ордена, похожие на ложь,
К стыду сказать, бренчали непардно,
Но между тем, посверкивали всё ж.
Бордовой кровью капали знамёна.
Над потолком – геральдика с косой.
А в глубине, на заднике – икона
Веельзевула... Экое шизо'!..
В проходах дымно жарили баранов,
Гремели тарой, полной «аш-о-аш»...

...и пробирались с боем ветераны
Уйти из зала через бельэтаж...
Какой фуршет?.. Какие дифирамбы?..
Скорей на воздух, горечи полны,
По лестницам сбегали, как по трапам,
Легенды развалившейся страны.

КОТ НА ПОДОКОННИКЕ

На подоконнике, в углу,
Спиной к откосу прислонившись,
Грустит британский мой шалун,
Гоняя взглядом птиц по крышам.

Стрекочет, чавкает, фырчит,
Как настоящий имитатор
И, будто птицам говорит:
«Кончай дразнить меня, ребята...

До вас я в жизнь не дотянусь,
Как до Луны и до Бразилии...
Но я, меж тем, котом зовусь!..
Иль вы об этом подзабыли?

Иль вы забыли, что котов
И без меня полно в округе?
Вон кто-то там уже готов,
В когтях кота крича в испуге.

И вам хвосты укоротят,
Коль не заткнётесь, пустозвоны!
Кастрат он – не дегенерат:
Блюдёт кошачьи законы...

Пусть законные они,
Но я домашний кот, ребята.
Смотреть на вас – что видеть сны.
А сны – ни в чём не виноваты....»

И кот затих, видать, уснул...
Пусть отдохнёт от трудной роли.
А я вкусняшки сыпанул
Ему в тарелку... Жалко, что ли?..

Ещё за ним понаблюдал
И... сам уснул в нелепой позе,
Переживая за кота
На полном, так сказать, серьёзе.

И видел сон, как мы с котом
Весь год по Африке кружили,
Где все его считали львом
И даже гимн ему сложили.

«УСЛЫШИТЕ МЯ ЧЕЛОВЕЦЫ...»

Уходим внутрь себя,
Себя не узнавая,
Не споря с суетой,
Не властвуя над ней;
Уходим внутрь себя,
Забытому внимая,
Чтоб испытать восторг
Вернувшихся людей;

...из миллиарда слов
На главные три слова,
Как будто на маяк
Из мокрой рваной тьмы;
Вне глаз полночных сов,
По пламенному зову
Того, чей путь всеблаг
(пути не знаем мы).

Уходим внутрь себя,
Приятно умирая,
Простясь с инертным злом
И цепкостью когтей,
Не выходя на связь,
Игры не нарушая,
Под правильным углом,
Как рыба из сетей.

Чего бояться нам
В зашторенном пространстве
Прилизанных святош,
Воюющих за жезл?
«Вот длань моя, возмись,
Пугливый раб и... царствуй!..
Не хочешь? Отчего ж
Тогда ты так блажен?...»

Не слышим мы Его,
Открывшего ворота,
Восшедшего за нас...
А нам не по нутру...
А нам милей амвон,
Да «горькая» до рвоты,
Да реки лживых фраз,
И алость на ветру.

Мы крестимся, хотим
Чудесных исцелений,
Лекарственный букет
Целуем в корешки...
Идти, иль не идти?... —
Страдаем мы от лени,
Боясь взглянуть на свет...
Но чёрные очки...

И, проживая жизнь,
Из жизни извлекаем
Лишь временный успех,
И нет тому конца.
А там, в груди, дрожит,
Пока ещё не камень
И выдаёт «тире»
От первого лица.

Уходим внутрь себя,
Пугаясь в переходах
И синей темноте
Блукающих существ...
Уходим внутрь себя,
Залив страданья йодом,
Без злобы на людей
Да и на мир вообще.

В ПРЕДДВЕРИИ ГИБЕЛИ МИРА

В одной из холодных комнат,
Со светом, лучами – в завтра,
Я вышел с трудом из комы,
К дальнейшему – без азарта.

Я встал и побрёл коридором,
Входя в лабиринт подвала,
Где трубы, гудя как горны,
Тянули свои хоралы.

А слева и справа – кладовки
С набором нелепых творений...
Я шёл так особенно долго,
Пока не набрёл на ступени,

Ведущие серпантином
К лиловому выходу в утро
С фактурным налётом тины
И чужеродных продуктов.

Увидев, во что мир ввергнут,
Я сдался пред этой былью,
Готовый принять на веру
Победу золы и пыли.

И было мне жутко от мысли,
Что не испытал испуга
При виде вчерашних истин,
Заросших грибком муругим

Средь правильной паутины,
Унылых домов и грязи...
Но так ли неисповедимы
Пути? И зачем же сразу

Ссылаться на неизвестность,
Коль сами повинны в этом?..
...и Солнце ушло безвозмездно,
Отдав темноте планету.

Я двигался по наитию,
Всё тщетно пытался вспомнить,
Как выглядят пирамиды
И, почему-то, Япония...

...со всех четырёх направлений —
Невидимый свет радиаций.
А в свете его – мавзолеи
Тиранам погибших наций.

В пугливых потоках энергий,
Истаяв до крошечной точки,
Я снова, похоже, низвергнут
В религию дня и ночи.

.....

Пророчествуя пред крушением,
Я всё ещё уповаю
На случай... Но нет решенья...
...и, следовательно, не успеваю...

О ЦВЕТЕ

Цвета природы – не случайны,
И каждый цвет – носитель мысли.
Цвет голубой – само молчанье.
Цвет синий – хлад бездонной выси.
Зелёный цвет... И что ж он прячет
В своих бесчисленных оттенках?
Оттенок тёмный – мудрость, значит,
А светлый... светлый это – дети.
Цвет серебра: «сияньем лунным
Приподнята завеса ночи,
Где альт, смычком скользя по струнам,
Выводит нам мотив барочный...»
Цвет красный – двойственная сила:
Добра и зла орнамент красный...
И пусть порою зло красиво,
Но доброта... она – прекрасней!
Трезвит и будит разум – жёлтый,
Тревожит душу листопадом.
Звездой для радости зажжённый,
Он дан нам будто бы в награду
За предрассветную надежду
И робко тлеющие души.
То до лимонного он нежный,
То до горчичного он скучный.
Цвет золотой – материален,
Хоть и религией отмечен.
Он – власть и ненависть, буквально
И этим мраком обесцвечен...
А что до символа, то вряд ли
Кто в золотом увидит нечто,
И, одиночеству рядом,
Нам осень – золотом навстречу.
Цвет бронзы – статуи, монеты,
Остановившееся время...
Крупницы прошлого планеты
Мертвы. А смерть, она – не греет.
Но льёт со звонницы раскатно,
Под стать невыдержанным грозам,
Неутихающий предстатель
Тревожный звук гудящей бронзы.
Песка две маленькие горсти,
Струясь меж пальцев, побежали...
Песочный цвет: далёкой гостью
Живёт в нём жизни подражанье.
Он по рождению – пустыня,

Чуть увлажнённая дождями...
Войну развёртывая с тыла —
Он враг любви и мироздания.
Вот белоствольные берёзы,
Хитро исчерченные чёрным:
Невинный танец белой розы,
Лик белой ночи утончённый...
Ахроматическая тайна —
Семи цветов соединенье...
Цвет белый в радость обретая,
Я обретаю пробужденье.
О чёрном... Что писать о чёрном,
Его сомнительном пространстве,
О мысли, в чёрный заключённой,
О несчастливой чёрной масти,
О всех злодеях и злодействах,
Что тоже выкрашены в чёрный,
Всё ради зла, всё ради мести
И ради тысяч обречённых.
Я их спрошу: «Куда идёте
Во мраке ночи вы, ребята,
И что от ночи этой ждёте? —
И чем она вам так приятна?
Видать, удобно прятать в чёрный
Все ваши мерзкие привычки...
А белый день — он не в почёте
И из морали вашей вычтен».
Так воспарить бы в голубое,
Иль выпить грусть холодной сини!..
Заправив радугу в обойму,
Я б расстрелял и не спросил бы
Пустую ночь с капризным ветром
За боль и прожитые драмы,
Чтоб, как и встарь, перед рассветом,
По нам молились наши мамы.

ВОРОНЫ, ГОЛУБИ, СОРОКИ

Пока не вытянуты сроки,
Как невода, из вод событий,
Вороны, голуби, сороки
Не могут нами быть забыты.

Но отчего таким крылатым,
Меняя кроны, словно троны,
Всегда вам подле нас быть надо,
Сороки, голуби, вороны?

Опять вы к нам с насмешкой птичьей,
Что мы сбиваемся с дороги...
Ужель вошло у вас в привычку,
Вороны, голуби, сороки?..

Пусть наши жизни параллельны,
Как рельсы, мачты и перроны,
Но с вами мы в одной Вселенной,
Сороки, голуби, вороны.

От нас вы слышите упрёки?..
Да, мы подчас ворчим без толка,
Вороны, голуби, сороки,
Когда вы прямо нам под окна...

Одни дворы у нас и даже
Приют оград печально-строгий...
Но с вами, птицы, нам – не страшно,
Вороны, голуби, сороки.

По вам мы чувствуем природу,
Осознавая, что порою
Друг друга держимся поодаль,
Сороки, голуби, вороны.

Беды, надеюсь, не случится...
Но чтоб от стужи не продрогнуть,
Держитесь к нам поближе, птицы, —
Вороны, голуби, сороки.

САРГАССОВО МОРЕ

Три недели скитаний в спокойном Саргассовом море
Убаюкали память мою и размыли года,
Наблюдаю фрегатов с таинственной искрой во взоре,
Исчезающих в мокрых ветрах неизвестно куда.
Здесь замедлено время и впутано в бурый саргассум,
Что скрипит о борта одиноко блуждающих шхун.
И всё ждём мы ветров, стосковавшись с друзьями по галсам,
Под летящими по небу нимбами солнца и лун.
Это море, друзья, как Любовь – берегов не имеет:
Потерявшийся в водах его – потерялся навек.
Сколь живём, а с Природой на «ты» говорить не умеем,
Доверяя мечтам, отмерять за парсеком парсек.
В окруженье течений проходим мы мимо Бермудов,
В облаках ли, туманах ли, строго держа параллель...
А вдали, за кормой, серебрят чешуёй барракуды,
Как намёк, что пройти это место нам надо быстрее.
И не хочешь, да вынужден будешь поверить в иное,
Что глядит на тебя и бессмысленно дразнит компас,
Что разрезалось носом, но снова осталось волною,
Баркентину твою пожалев и... в какой уже раз...
Поле медленных волн, уходящее за горизонты,
Плавность звуков и линий от грохота до тишины...
Это – це'лостный мир, – он не делится на эпизоды
И хозяин его – восхитительный мрак глубины.
Три недели скитаний в спокойном Саргассовом море,
В море тайн и щедрот, вне усталости и пустоты...
Всё живёт и живёт это море во мне в каждой поре
И,
качая,
ночами
мне душу во снах берedit.

КОШКА ПРОСИТ ВСПОМНИТЬ

Обернувшись пуховым комочком,
Только ушки торчат, как антеннки,
Бродит кошка весь вечер вдоль стенки.
Догадайся, чего она хочет...

Я пытался её успокоить,
Подсыпая ей «вискаса» в миску...
Но она – всё одно... «Что такое?..
Объясни мне, пожалуйста, киска...»

Догадавшись, стою я, растерян,
И – давай умолять о прощенье...
«Оттого ты и ходишь вдоль стенки,
Что забыл я про твой день рожденья»

ВРЕМЯ И ПРАЗДНИК

Хвои украшение колючее.
Стекляшек сусальное золото.
– Давайте за благополучие!..
За всё молодое и новое!..

Фольга подмигнёт фиолетинкой,
Уйдут мандаринчики наскоро,
И вновь заискрят междометия
Под пенные струи шампанского.

Смешаются вкусы и запахи,
Покажутся люстры сосульками,
Признанья и мысли внезапные
Стремительно в рюмки забулькают.

Послушна руке телезрителя
Сумятица пряных канальчиков...
– Вы рады?..
– Да так, приблизительно...
– А мне?..
– Не люблю я романчики...

Всё зыбко и так неустойчиво,
Без слова на обладание...
И прочее, прочее, прочее,
Желания зная заранее.

Взволнованы близкими тайнами,
Гирляндами ёлочных шариков,
Мы в пальчиках вертим хрустальное
Блаженство для двух полушариев.

Бордовыми дедоморозами,
Психологами новогодними
Пусть будет лекарство нам роздано
От нашего бредоугодия...
Пусть будут под звёздами праздника
Пьяны, но от радости, пьяницы,
А весь карнавал безобразия —
Наивной проделкой представится...
.....

Мгновенье и... — только иллюзия,
Неточные воспоминания...
Был праздник и вот — послевкусие,

Похмелье ра-зо-ча-ро-ва́-ни-я.

Окончен спектакль. Бутафория
Всё светится в шлейфе прошедшего
И плавно уходит в историю,
Как тёплые письма от женщины.

НАСТОЛЬНЫЙ МИР

Настольный мир. Мне мил его порядок.
Он в чём-то – жизнь, раз в чём-то – часть меня.
Он в помощь мне и в радость, если рядом
Я с ним, а он со мной. Его страна —
Столешница и... я над нею снова
Творю под стать Творцу и всяк предмет,
Что предо мною, мною истолкован,
Как я того хочу. Другого нет
На свете варианта: быть не может!..
И в том уверен я, пока сижу
За тем столом, где мне совсем несложно
Мечтать и доверять карандашу.
Руке моей послушны статуэтки:
Губастый клоун, будда-весельчак,
Трубящий слон, признаться, очень редкий,
Что мне подарен группой англичан;
Солдатики времён Наполеона,
Хрустальный гусь, напёрсток золотой,
В углу стола – монеты: три дублона,
В другом углу – блокнот на сто листов.
Возьму его, открою и, быть может,
Пролью стихи о клоунских слезах,
О дружбе с Буддой, если осторожно,
Мирок сует спустив на тормоза;
И про слона убитого за бивни,
И про солдат, стоявших до конца,
И про гуся, что выглядит так видно
Благодаря хрустальности яйца,
И даже о напёрстке золочёном,
Который стоит только покрутить...

Смотрю на стол, твореньем увлечённый...
Легко ль в себя Вселенную вместить?..

ПОСВЯЩЕНИЕ БЕРЕКУ

(оксюмороническая сентенция)

В чём смысл твоих достижений, Берёк?
Мельканье любви на путях-полустанках?
Ужель убелил твою голову снег,
Что так и остался лежать не растаяв?
Да, время прошло. Долго ль биться листку
В отчаянной схватке с порывистым ветром?
Дрожь в пальцах да волны гуляющих скул,
Да хрупкая ткань отпылавшего лета...
А ты о мгновенном, обманном... Любовь —
Отнюдь не влюблённость... Не надо про опыт...
Весь этот букет интонаций и слов
Подходит скорее для падшей особы.
Ведь ты ж не безличностен, друг-Асмодей,
Чтоб так прогорать бестолково душою,
«Спортивной» игрой увлекая чертей,
А с ними и ведьм... в отвратительном шоу.
Отдал без остатка ты весь свой талант,
Всю музыку чувств в сладкозвучии струнном...
А жизнь – ну, никак не выходит на лад...
Не так это просто задобрить Фортуну.

Любовь на камнях отдаётся ветрам,
Игриво-душистой шурша опереткой...
А ты – Дон Жуаном... шнырять по дворам,
В телесных уладах влачась за кокеткой...

ТЫ ТРУС, ГЕРОЙ

Ты трус, герой, хоть мышцы греет сила
И светит ум с морщинистого лба.
Ты трус, герой, и нервные курсивы
Всецело выдают в тебе раба.
Как в лузе шар, дрожишь, обтянут сетью
Ненужных опасений за судьбу.
Снаружи излучаешь долголетье,
Внутри – давно покоишься в гробу.
В кошмарных снах несётся: «Эй, к барьеру!...»
И всякий раз кричишь, пугая ночь...
А я, вначале, думал – ты без нервов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.